

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2011 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/169/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2011 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МАХАРБИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №26595/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 июня 2011 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
28 ноября 2011 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Махарбиева и другие против России»,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Нина Вайич, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Пиир Лорензен,
Элизабет Штейнер,
Ханлар Хаджиев,
Юлия Лаффранке,
Линос-Александр Сицилианос, *судьи*,
и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*

Заседая 31 мая 2011 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№26595/08) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») пятью гражданами Российской Федерации, перечисленными далее («заявители»), 23 мая 2008 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы «Правовой инициативы по России» (далее - "SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее - "Правительство") представлял г-н Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 11 сентября 2009 года Суд принял решение в соответствии с Правилom 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке, о чем было уведомлено Правительство. Также в соответствии со Статьей 29 § 3 Конвенции Суд постановил рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

4. Правительство возразило против рассмотрения существа дела одновременно с рассмотрением вопроса о приемлемости. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители:

1) г-жа Зара Махарбиева, 1951 года рождения,

- 2) г-н Хамид Махарбиев, 1943 года рождения,
- 3) г-жа Ольга Григорьева, 1980 года рождения,
- 4) г-н Мовсар Махарбиев, 1999 года рождения и
- 5) г-жа Малика Махарбиева, 2001 года рождения.

Первый и второй заявитель живут в городе Грозном, другие заявители живут в с. Гехи, Урус-Мартановский район, Чечня. Первый и второй заявители – родители Адама Махарбиева, 1973 года, третья заявительница – его жена, четвертый и пятый заявители – его дети.

А. Исчезновение Адама Махарбиева

1. Позиция заявителей

(а) Похищение Адама Махарбиева

6. В рассматриваемый период времени Урус-Мартановский район находился под полным контролем российских федеральных сил. Военные блокпосты, на которых дежурили российские военнослужащие, располагались на всех дорогах района. Кроме того, на территории действовал комендантский час. Блокпост, охраняемый сотрудниками Отрядом милиции особого назначения из Ярославля, находился на дороге между г. Урус-Мартан и селом Гехи. Заявители и Адам Махарбиев жили в с. Гехи, Урус-Мартановского района. В марте 2001 года Адам Махарбиев пытался устроиться на работу в отделение внутренних войск Заводского района города Грозного (Заводской РОВЖД).

7. Днем 24 марта 2001 года по дороге из г. Грозного в с. Гехи Адам Махарбиев остановился у своих двоюродных братьев в поселке Черноречье на окраине Грозного. Вечером этого же дня он поехал в Гехи вместе со своими двоюродными братьями г-ном И. М. и г-ном Л. М. на машине марки ВАЗ-2106, которая принадлежала братьям. В то время г-н Л.М. был сотрудником милиции и служил в Октябрьском РОВД в Грозном. По дороге Адам Махарбиев, г-н И.М. и г-н Л.М. проехали через несколько блокпостов. Г-н Л.М. показывал свое удостоверение сотрудника внутренних войск, и машину пропускали. Трасса на Гехи проходила через блокпост, на котором дежурили сотрудники ОМОН из Ярославля. Военнослужащие раньше уже несколько раз пропускали г-на Л.М. через блокпост и знали, что он сотрудник милиции.

8. Около 17 часов машина с тремя пассажирами остановилась для проверки документов на блокпосте, где дежурили сотрудники ОМОН из Ярославля. Они проверили удостоверение сотрудника милиции г-на Л. М. и попросили паспорта Адама Махарбиева и г-на И. М. После того как двое мужчин подали свои документы, военнослужащие окружили их, заблокировали проезд через контрольно-пропускной пункт, надели наручники на всех трех мужчин и затащили Адама Махарбиева в помещение блокпоста, а г-н И. М. и г-н Л. М. остались снаружи. Военнослужащие забрали табельное оружие г-на Л. М., после чего военнослужащие вызвали кого-то по рации и попросили, чтобы представители военной комендатуры

прибыли на блокпост.

9. Свидетелями задержания Адама Махарбиева и его двоюродных братьев были два жителя села Гехи, которые проходили через блокпост в это же самое время. Один из них пошел домой к заявителям и сообщил о произошедшем инциденте. Первая и второй заявители сразу сели на машину и поехали к блокпосту.

10. Через 15 минут после того, как военнослужащие вызвали представителя военной комендатуры, на блокпост прибыли грузовик «УРАЛ», два автомобиля марки ВАЗ-2109 черного цвета со служебными номерами региона «11» и автомобиль марки ВАЗ-2121 («Нива»). Адама Махарбиева посадили в один из автомобилей марки ВАЗ-2109, а г-на И. М. и г-на Л. М. посадили в грузовик «УРАЛ»; всем мужчинам надели на головы черные мешки. На автомобиле ВАЗ-2106, принадлежавшем г-ну Л. М., поехал один из похитителей, который был в военной униформе.

11. Когда машины с задержанными мужчинами покинули блокпост, приехали первая и второй заявители. Они поехали за колонной военных машин, которая двигалась по направлению к центру Урус-Мартана. Машина заявителей остановилась на блокпосту, расположенном на мосту недалеко от зданий городской администрации и военной комендатуры. Первая заявительница вышла из машины и побежала за колонной машин, которые въехали на территорию военной комендатуры Урус-Мартановского района. Дежурившие военные на входе остановили первую заявительницу. Несколько минут спустя второй заявитель подъехал к военной комендатуре. Заявители попросили, чтобы солдаты разрешили им поговорить с военным комендантом района. Военные отказали им и приказали покинуть расположение комендатуры, так как начиналось время комендантского часа.

(b) Последующие события

12. По прибытии в военную комендатуру г-н И. М. и г-н Л. М. были доставлены на третий этаж, и их два-три часа допрашивали о причастности к деятельности бандформирований. Во время допроса они оставались с мешками на головах, а также их повергали избиениям.

13. После допроса г-на Л. М. вывели и посадили в автомобиль марки «УАЗ» («Таблетка»). Он понял, что машина именно этого вида, по звукам и оборудованию. Его брата г-на И. М. также посадили в машину. Обоих братьев доставили в здание временного отделения внутренних дел Урус-Мартановского района (Урус-Мартановский ВОВД), расположенное в нескольких метрах от военной комендатуры.

14. В ВОВД г-на Л. М. привели к следователям и сняли с головы мешок. Г-на Л. М. допрашивали о его брате г-не И. М. и его двоюродном брате Адаме Махарбиеве. Следователь сказал ему, что он и его брат доставлены из военной комендатуры и что он не знает, где находится Адам Махарбиев. После этого г-на Л. М. и г-на И. М. посадили в камеру, где находились еще два мужчины.

15. На следующее утро 25 марта 2001 года глава ОВД Октябрьского района прибыл в Урус-Мартан и говорил с главой ВОВД Урус-Мартана. В результате переговоров в этот же день был освобожден г-н Л. М., на выходе

из ВОВД ему ошибочно выдали регистрационный лист¹ Адама Махарбиева. Г-на И. М. освободили на следующий день 26 марта 2001 года. Спустя восемь дней через районную военную комендатуру г-ну Л. М. вернули его автомобиль марки ВАЗ-2106, который забрали похитители.

16. 27 марта 2001 года первой заявительнице удалось встретиться с военным комендантом района генералом Г., и расспросить о задержании ее сына сотрудниками комендатуры. Он сказал: «Да, мужчина по фамилии Махарбиев задержан. Мы его допросим и затем освободим». Через несколько дней первая заявительница вновь говорила с генералом и спросила о сыне. Он сказал, что Адам Махарбиев сбежал и захватил в военной комендатуре пистолет.

17. В какое-то время в 2002 году первая заявительница подала ходатайство в городской суд Урус-Мартана о признании Адама Махарбиева пропавшим без вести. 22 марта 2002 года суд удовлетворил ходатайство и признал Адама Махарбиева пропавшим без вести с 24 марта 2001 года.

18. В подтверждение своей жалобы заявители представили следующие документы: показания первой заявительницы от 22 апреля 2008 года, показания второго заявителя от 21 апреля 2008 года, показания г-на Л. М. от 16 апреля 2008 года и копии писем, которые заявители направляли властям.

2. Информация, представленная Правительством

19. Правительство не оспаривало версию событий, как она была представлена заявителями, и не дало своей версии произошедших событий.

В. Розыски Адама Махарбиева и расследование

1. Позиция заявителей

20. 25 марта 2001 года заявители обратились с жалобой на похищение Адама Махарбиева в ВОВД. Они не сохранили у себя копию этой жалобы.

21. 28 марта 2001 года первая заявительница вновь подала жалобу на похищение ее сына в ВОВД. Она утверждала, что ее сын и его двоюродные братья были задержаны российскими военнослужащими на блокпосте, расположенного на трассе между населенными пунктами Урус-Мартан и Гехи, что в определенное время два двоюродных брата Адама Махарбиева были освобождены, но он остался задержанным. Она подчеркнула, что может представить властям подробное описание транспортных средств похитителей и имена свидетелей ареста, и утверждала, что через какое-то время после ареста ее сына забрали сотрудники Управления Федеральной службы безопасности по Урус-Мартановскому району («ФСБ»).

22. 30 марта 2001 года второй заявитель написал жалобу на похищение его сына в прокуратуру Урус-Мартановского района (прокуратуру района) и 4 апреля 2001 года написал жалобу военному коменданту района генералу Г. Он утверждал, что около 17 часов 24 марта 2001 года его сын был задержан российскими военнослужащими на блокпосте, расположенном на трассе

¹ Регистрационный лист был получен по месту проживания в г. Грозном.

между Урус-Мартаном и Гехи. Заявитель также дал подробное описание техники, участвовавшей в задержании, и утверждал, что имеются свидетели похищения, которые могут предоставить показания властям. Он утверждал, что слышал о том, как в какое-то время после ареста его сын содержался в Управлении ФСБ по Урус-Мартановскому району, и утверждал, что его попытки установить местонахождение сына посредством обращений в ВОВД, РОВД, ФСБ и местную администрацию оказались безуспешными.

23. 14 апреля 2001 года в прокуратуре района было возбуждено уголовное дело по факту похищения Адама Махарбиева по Статье 126 УК РФ (похищение). Уголовному делу был присвоен номер 25042. Заявители были уведомлены об этом постановлении 12 июля 2001 года.

24. 8 июня 2001 года второй заявитель вновь написал в прокуратуру района жалобу на похищение его сына, совершенное на блокпосте. Он утверждал среди прочего, что его два родственника, задержанные вместе с его сыном, позднее были освобождены из ВОВД и что одному из них по ошибке выдали регистрационную карту Адама Махарбиева. Заявитель также утверждал, что он обращался в различные правоохранительные органы с требованиями возбудить уголовное дело по факту похищения его сына сотрудниками ОМОНа, которые дежурили на блокпосте 24 марта 2001 года, и просил допросить их о местонахождении его сына. И, наконец, заявитель жаловался на отсутствие информации из прокуратуры района и просил предоставить последнюю информацию о ходе следствия.

25. 18 июня 2001 года второй заявитель обратился в прокуратуру Чеченской Республики и в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Он утверждал, что его сын и два его двоюродных брата были арестованы представителями российских федеральных сил на военном контрольно-пропускном пункте, что двоюродные братья позднее были освобождены из ВОВД и что одному из них по ошибке выдали регистрационный лист его сына. Заявитель также утверждал, что он обращался в различные правоохранительные органы с требованиями, но его жалобы оказались безрезультатными. В частности, он указал, что следователи не допросили сотрудников ОМОНа, которые дежурили на блокпосте 24 марта 2001 года и арестовали его сына, и что, несмотря на многочисленные свидетельские показания, следователи не установили обстоятельств его последующего содержания в военной прокуратуре и ВОВД. Согласно заявителю, информация и доказательства, которые были в распоряжении следствия, позволяли раскрыть преступление, и что затягивание хода следствия демонстрировало нежелание властей установить преступников и привлечь их к ответственности. Заявитель требовал, чтобы власти установили местонахождение его сына, информировали его о выдвинутых против его сына обвинениях и установили преступников.

26. Трижды в период с июля по август 2001 года прокуратуру района сообщала заявителям о возбуждении уголовного дела №25042.

27. 11 сентября 2001 года второй заявитель обратился к следователям с запросом о признании его потерпевшим по делу.

28. 20 сентября 2001 года второй заявитель вновь обратился в районную прокуратуру с заявлением об отводе следователя по уголовному

делу. Заявитель утверждал, что следователь отказывается вызвать и допросить как сотрудников ОМОНа, которые дежурили на блокпосте, так и свидетелей похищения; что следователь отказывается приобщить к материалам дела его свидетельские показания и показания первой заявительницы; что во время разговора с первой заявительницей следователь сказал ей, что «он не виноват в смерти вашего сына». Заявитель утверждал, что этими словами следователь демонстрирует осведомленность о судьбе Адама Махарбиева, и поэтому следователь должен нести ответственность за сокрытие информации о гибели его сына.

29. 16 февраля 2002 года из прокуратуры района сообщили заявителем, что расследование по делу приостановлено в связи с неустановлением личностей преступников.

30. 18 мая 2002 года второй заявитель вновь обратился в военную комендатуру с жалобой на похищение его сына военнослужащими и просил помочь в установлении его местонахождения.

31. 21 мая 2002 года первая заявительница обратилась во многие местные органы власти, в том числе к главе РОВД и в районную военную комендатуру, с жалобами на похищение ее сына военнослужащими и просила помощи в его поисках. Она указала, что сразу после ареста ее сына доставили в районную военную комендатуру, что комендант обещал освободить его после проверки документов и что на следующий день сотрудник комендатуры сказал ей, что ее сын сбежал, захватив оружие.

32. 14 июня 2002 года первая заявительница вновь обратилась с жалобой на похищение сына в Генеральную прокуратуру РФ. Она заявила, что ее сын был арестован военнослужащими на военном контрольно-пропускном пункте, когда ехал вместе с двумя двоюродными братьями на автомобиле марки ВАЗ-2106 черного цвета из города Грозного в село Гехи; что после ареста ее сын и его родственники были доставлены в военную комендатуру района, чему она сама и второй заявитель были свидетелями. Она также дала описание транспортных средств похитителей и указала, что г-н И. М. и г-н Л. М. были освобождены через несколько дней после похищения, и примерно через неделю г-ну Л. М. вернули его автомобиль, который захвачен похитителями; что во время освобождения г-ну Л. М. по ошибке дали регистрационную карточку Адама Махарбиева; что военный комендант района обещал ей, что сына освободят, но на четвертый день после похищения офицер комендатуры сказал ей, что Адам сбежал с территории комендатуры и захватил пистолет. Заявительница также утверждала, что в распоряжении следствия была вся необходимая информация для выявления преступников, но, тем не менее, они предприняли даже самых элементарных следственных действий. По ее мнению, следователи пытаются скрыть факт похищения ее сына военнослужащими. Наконец, она просила, чтобы Генеральная прокуратура помогла ей в поисках Адама Махарбиева.

33. 1 июля 2002 года первая заявительница обратилась с жалобами в некоторые государственные органы, в том числе к начальнику ФСБ по Чеченской Республике, прокурору района и в Министерство Обороны РФ. Она представила подробное описание ареста ее сына федеральными

военнослужащими, его последующего содержания в военной комендатуре и ВОВД, и пожаловалась на то, что расследование не приняло во внимание доказательства, подтверждающие причастность властей к похищению ее сына. Кроме того, она заявила, что 5 июня 2002 года ее сына видели в автобусе рядом со станцией Червленная в Шелковском районе Чечни. По словам женщины, которая говорила с Адамом Махарбиевым, он сказал ей, что сотрудники ФСБ везут его на автобусе в следственный изолятор, находящийся в Чернокозово, Чечня. По словам свидетельницы, Адам выглядел голодным и был очень бледным. Заявительница требовала, чтобы власти установили местонахождение ее сына и освободили его из-под стражи.

34. Пять раз в период с июля 2001 года по август 2002 года из прокуратуры Чеченской Республики направляли жалобы заявителей в прокуратуру района.

35. Дважды в период с августа 2001 года по август 2002 года из Генеральной прокуратуры РФ уведомляли заявителей о том, что они передали их жалобы в прокуратуру Чеченской Республики.

36. 30 июля 2002 года первая заявительница вновь обратилась в прокуратуру района с жалобой на похищение ее сына военнослужащими федеральных сил и просила признать ее потерпевшей по уголовному делу. 9 августа 2002 года она была признана потерпевшей по делу.

37. 24 сентября 2002 года из военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа сообщили первой заявительнице, что ее жалоба на похищение сына была передана в военную прокуратуру войсковой части №20102 в Ханкалу, Чечня.

38. 30 сентября 2020 года первая заявительница просила следователей представить последние результаты расследования по уголовному делу.

39. 16 ноября 2002 года из прокуратуры Чеченской Республики первой заявительнице сообщили, что Адам Махарбиев не содержится в следственном изоляторе Чернокозово.

40. 5 марта 2003 года первая заявительница вновь пожаловалась в военную комендатуру. Она заявила, что ее сына и двух его двоюродных братьев арестовали военнослужащие на контрольно-пропускном пункте на трассе из Грозного в Гехи, что после похищения всех мужчин доставили в военную комендатуру района и что она лично, а также второй заявитель были свидетелями событий. Она также дала описание транспортных средств похитителей и указала, что г-н И. М. и г-н Л. М. были освобождены через несколько дней после похищения и что через неделю г-ну Л. М. вернули его автомобиль, ранее захваченный похитителями, что в ходе освобождения из-под стражи г-н Л. М. по ошибке получил регистрационную карточку Адама Махарбиева, что военный комендант района обещал ей освободить ее сына и что на четвертый день после похищения сотрудник прокуратуры сказал ей, что Адам сбежал из комендатуры, захватив пистолет. Заявительница также пожаловалась на то, что расследование похищения было неэффективным, и просила помощи в розысках своего сына.

41. 16 июля 2003 года первая заявительница обратилась в военную прокуратуру Объединенной группировки войск (сил). Она представила

подробное описание ареста ее сына федеральными военнослужащими, его последующего содержания в военной комендатуре и ВОВД, и пожаловалась на то, что расследование не приняло во внимание доказательства, подтверждающие причастность властей к похищению ее сына. Она заявила, что 5 июня 2002 года ее сына видели в автобусе рядом со станцией Червленая в Шелковском районе Чечни. По словам женщины, которая говорила с Адамом Махарбиевым, он сказал ей, что сотрудники ФСБ везут его на автобусе в следственный изолятор, находящийся в Чернокозово, Чечня. По словам свидетельницы, Адам выглядел голодным и был очень бледным. Заявительница требовала, чтобы власти установили местонахождение ее сына и освободили его из-под стражи.

42. В период с июля 2003 года по февраль 2006 года заявители не получали никакой информации о ходе расследования похищения.

43. 21 февраля 2006 года первая заявительница написала в прокуратуру района и пожаловалась на неэффективность расследования похищения ее сына. Она просила сообщить ей о ходе расследования по делу и возобновить следствие. Никакой ответ на этот запрос от властей не поступал.

2. Информация, представленная Правительством

44. 31 марта 2001 года прокурор района, ссылаясь на жалобу второго заявителя, просил, чтобы глава Управления ФСБ по Урус-Мартановскому району и военный комендант сообщили ему, задерживался ли Адам Махарбиев, и если да, то куда он был доставлен после ареста.

45. 14 апреля 2001 года следователи возбудили уголовное дело №25042 в связи с «...арестом Адама Махарбиева на блокпосте между с. Гехи и г. Урус-Мартан 24 марта 2001 года и его последующим переводом в Урус-Мартан».

46. 17 апреля 2001 года в РОВД была официально зарегистрирована жалоба на похищение, поданная вторым заявителем.

47. В неустановленное время в апреле 2001 года следователи допросили первую заявительницу, которая дала подробное описание похищения ее сына военными на блокпосте и последующего перемещения в военную комендатуру.

48. В неустановленное время в апреле 2001 года следователи допросили второго заявителя, который дал показания об обстоятельствах похищения, аналогичные показаниям первой заявительницы. В дополнение он показал, что спустя несколько дней после похищения он и его брат (отец г-на Л. М. и И. М.) говорили с главой администрации района г-ном Ш.Я., который сообщил им, что 24 марта 2001 года их сыновья были задержаны на блокпосте военнослужащими ОМОНа из Ярославля, что позднее г-н Л. М. и г-н И. М. были доставлены в ВОВД и что Адам Махарбиев предположительно сбежал из военной комендатуры.

49. 7 июня 2001 года следователи допросили третью заявительницу, которая показала, что вечером 24 марта 2001 года она узнала об аресте ее мужа на блокпосте от мужчины, который пришел к ним домой.

50. В неустановленное время в 2001 году расследование по делу

приостановлено в связи с неустановлением личностей преступников.

51. 24 июня 2002 года следователи возобновили расследование по делу. В тексте постановления среди прочего говорилось:

«... 24 марта 2001 года на блокпосте, расположенном на трассе между населенными пунктами Урус-Мартан и Гехи, были задержаны для паспортного контроля Адам Махарбиев, г-н Л. М. и г-н И. М., для чего они были доставлены в военную комендатуру Урус-Мартановского района и затем переведены в ВОВД Урус-Мартана, откуда г-н Л. М. и г-н И. М. были впоследствии освобождены, а местонахождение Адама Махарбиева остается неизвестным...»

52. 27 июня 2002 года следователи вновь допросили второго заявителя, который показал, что его сын и два его двоюродных брата г-н Л. М. и г-н И. М. были арестованы на блокпосте сотрудниками ОМОНа и впоследствии доставлены в военную прокуратуру, что позднее во время освобождения г-на Л. М. ему по ошибке выдали регистрационный лист Адама Махарбиева. Заявитель представил следователям подробное описание транспортных средств, которые использовали похитители для передвижения с блокпоста в военную комендатуру, и подчеркнул, что через день после похищения военный комендант подтвердил, что военнослужащие задержали его родственников на блокпосте.

53. В этот же день следователи допросили брата второго заявителя г-на Р. М., который показал, что его сыновья были задержаны на блокпосте вместе с Адамом Махарбиевым.

54. В этот же день следователи допросили соседа заявителей г-на А. Б., который показал, что слышал, что Адама Махарбиева задержали на блокпосте, и сказал, что пропавший характеризовался положительно.

55. 24 июля 2002 года следователи приостановили расследование в связи с неустановлением личностей преступников.

56. 9 августа 2002 года первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу, но не была допрошена.

57. 30 мая 2003 года следователи допросили брата второго заявителя, г-на Р. М., который подтвердил свои предыдущие показания.

58. 2 июня 2003 года следователи допросили первую заявительницу, которая показала, что в июне 2001 года она узнала, что г-н Ах. И. содержался вместе с ее сыном Адамом Махарбиевым в следственном изоляторе Чернокозово. Она говорила с ним и узнала, что ее сын содержался в камере №24 и что у него было прозвище «Старый». Г-н Ах. И. опознал Адама по фотографии, которую показала заявительница. Несколько месяцев спустя заявительница узнала, что г-н Ах. И. был убит. Заявительница также представила следователям подробное описание обстоятельств, при которых женщина по имени Зара встретила ее сына в автобусе, когда его везли в следственный изолятор Чернокозово.

59. 3 июня 2003 года следователи допросили главу администрации г-на Ш.Я., который показал, что не помнит, при каких обстоятельствах говорил со вторым заявителем (см. выше пункт 48).

60. 13 июня 2003 года следователи допросили родственника заявителей г-на Л. М., который показал, что 24 марта 2001 года он, его брат г-н И. М. и их двоюродный брат Адам Махарбиев были задержаны

военнослужащими на блокпосте для проверки документов. Его и брата г-на И. М. посадили в грузовик «УРАЛ»; он видел, что Адаму Махарбиеву надели на голову мешок и связали руки. Адам оставался на блокпосте, и г-на И. М. и г-на Л. М. увезли в Урус-Мартан. По дороге братьям тоже надели мешки на головы. Примерно через час братьев доставили в РОВД, где допрашивали, в частности, об их двоюродном брате Адаме Махарбиеве. После чего их поместили в камеру и на следующий день вновь допрашивали об Адаме. Через несколько дней г-н И. М. был освобожден, и еще через один день г-на Л. М. тоже освободили. Согласно свидетелю, он получил в военной комендатуре свою машину, которую забрали у него на блокпосте,

61. 16 июня 2003 года следователи допросили родственника заявителей г-на И. М., который дал показания, аналогичные показаниям своего брата г-на Л. М.

62. 28 июня 2003 года следователи приостановили расследование по делу в связи с неустановлением личностей преступников.

63. В ходе следствия не было установлено местонахождение Адама Махарбиева. Следственные органы направили запросы в различные правоохранительные органы и предприняли ряд других действий для раскрытия преступления. Правоохранительные органы Чеченской Республики никогда не задерживали и не арестовывали Адама Махарбиева, в его отношении не возбуждалось ни административное ни уголовное судопроизводство, и он не подозревался в совершении каких-либо уголовных преступлений.

64. По запросу Суда Правительство предоставило копии материалов уголовного дела №25042 в количестве 46 страниц.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

65. Смотрите обобщенное изложение соответствующих документов в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia* (№. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007).

ПРАВО

I. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО НЕИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

66. Правительство утверждало, что жалоба должна быть признана неприемлемой, так как не исчерпаны средства внутригосударственной защиты. Оно указало, что расследование по факту исчезновения Адама Махарбиева еще не закончено. Кроме того, оно утверждало, что заявители могли пожаловаться в суд, оспаривая действия или бездействие следственных органов, но они не сделали этого. Также, по мнению

Правительства, заявители могли требовать компенсации причиненного вреда посредством гражданского судопроизводства, но они не воспользовались этим средством защиты.

67. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что уголовное расследование оказалось неэффективным и что они обязаны были возбуждать гражданское судопроизводство в порядке исчерпания средств защиты.

В. Оценка Суда

68. Суду предстоит оценить приведенные сторонами аргументы в свете положений Конвенции и имеющейся судебной практики (см. дело *Estamirov and Others v. Russia*, № 60272/00, §§ 73-74, 12 октября 2006).

69. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправомерных и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеется два пути восстановления нарушенных прав, а именно гражданское и уголовное судопроизводство.

70. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба, нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции (см. дело *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск. Возражение Правительства в связи с этим отклоняется.

71. В отношении уголовного судопроизводства, предусмотренного российским законодательством, Суд отмечает, что правоохранительные органы были уведомлены о задержании Адама Махарбиева на блокпосте сразу после произошедшего инцидента и что внутреннее расследование ведется с 14 апреля 2001 года. Заявители и Правительство оспаривают вопрос эффективности уголовного расследования по факту исчезновения.

72. Суд считает, что предварительное возражение Правительства поднимает вопросы, касающиеся эффективности расследования, которые тесно связаны с существом жалобы заявительницы. Таким образом, он решает объединить рассмотрение этого возражения с оценкой дела по существу дела и считает, что проблема должна быть рассмотрена далее.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

73. Заявители жаловались, что Адам Махарбиев был задержан и затем лишен жизни российскими военнослужащими и что государственные органы не провели эффективного расследования в связи с этим. Они сослались на Статью 2 Конвенции, которая гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Доводы сторон

74. Правительство утверждало, что в ходе расследования не установлены доказательства смерти Адама Махарбиева или того, что сотрудники Государства причастны к его исчезновению или предполагаемому убийству. Правительство заявило, что расследование, проводимое по факту похищения Адама Махарбиева, соответствовало требованиям Конвенции об эффективности, так как все мероприятия, предусмотренные национальной законодательной системой, были предприняты для установления виновных.

75. Заявители утверждали, что Адам Махарбиев был похищен сотрудниками Государства и должен считаться мертвым в отсутствие каких-либо новостей о нем более девяти лет. Они также утверждали, что расследование по факту исчезновения их родственника не было эффективным и адекватным соответствующей прецедентной практике Суда, так как было возбуждено с опозданием и не были предприняты основные следственные действия. Тот факт, что расследование длилось так долго без каких-либо значимых результатов, также доказывает неэффективность следствия. Заявители просили Суд принять во внимание и то, что Правительство раскрыло только несколько документов из материалов уголовного дела.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

76. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 72 выше). Поэтому жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Адама Махарбиева

i. Общие принципы

77. Суд повторяет, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, он должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и обязанность властей держать ответ за обращение с задержанным должна исполняться с особой строгостью в случае смерти или исчезновения такого лица (см., помимо прочего, дело *Orhan v. Turkey*, №. 25656/94, § 326, 18 июня 2002). Когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению государства, как в случае пребывания задержанного лица под контролем властей, возникают основания для определенных предположений относительно причин телесных повреждений или смерти, наступивших в период содержания под стражей. В таком случае можно считать, что бремя предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения должно быть возложено на Государство (см. дело *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и дело *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

ii. Установление фактов

78. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд основных принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор, в частности, когда сталкивается с заявлениями об исчезновениях по Статье 2 Конвенции (см., краткое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006). Суд отмечает, что в данном случае должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. дело *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, § 161, Series A no. 25).

79. Заявители утверждали, что 24 марта 2001 года около 17 часов вечера их родственник Адам Махарбиев был задержан военнослужащими на блокпосте, расположенном на трассе между населенными пунктами Гехи и Урус-Мартан, а затем его доставили в военную комендатуру, после чего он исчез. Они сослались в своей жалобе на доказательства и свидетельские показания, полученные внутренним расследованием.

80. Правительство не оспаривало утверждений заявителей относительно обстоятельств похищения и не представило свою версию событий. В то же самое время Правительство сделало общее замечание в отношении того, что Адам Махарбиев было похищен неустановленными вооруженными людьми, которые могли свободно передвигаться на машинах в военной униформе, и что нет доказательств смерти родственника заявителей.

81. Суд отмечает, что в своих обращениях к властям заявители постоянно, особенно первая заявительница, настаивали на том, что Адам Махарбиев был задержан военнослужащими на блокпосте, и просили следственные органы тщательно расследовать это происшествие.

82. Суд отмечает, что в случае, когда заявитель делает утверждение

prima facie, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. дело *Toğcu v. Turkey*, №27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и дело *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ЕСПЧ 2005 II (выдержки)).

83. Учитывая вышеназванные элементы, Суд считает установленным, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственники были задержаны представителями Государства. Основной довод Правительства о том, что следствие не нашло доказательств причастности военнослужащих к исчезновению, не освобождает его от вышеупомянутого бремени доказывания. Таким образом, суд считает установленным, что Адам Махарбиев был задержан 24 марта 2001 года агентами Государства в ходе непризнаваемой спецоперации.

84. Никаких новостей об Адаме Махарбиеве нет с момента его похищения на блокпосте. Его имя не значится ни в каких официальных списках лиц, содержащихся в заключении. И, наконец, Правительство не представило никаких объяснений относительно того, что случилось с ним после ареста.

85¹. Принимая во внимание дела об исчезновениях людей на территории Чечни, рассмотренные Судом ранее (см. среди прочего, дело *Bazorkina*, цит. выше; дело *Imakayeva*, цит. выше; дело *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-XIII (extracts); дело *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, 5 апреля 2007 года; дело *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, цит. выше; и дело *Alikhadzhiyeva v. Russia*, no. 68007/01, 5 июля 2007 года), Суд заключает, что в условиях конфликта в Чеченской Республике, если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Адама Махарбиева, а также каких-либо сведений о нем в течение нескольких лет подтверждают данное предположение.

86¹. Таким образом, Суд находит, что имеющиеся доказательства позволяют установить, что Адам Махарбиев должен считаться умершим после непризнаваемого задержания сотрудниками Государства.

iii. Обязательство Государства по Статье 2

87. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только

действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, дело *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147 и дело *Avşar v. Turkey*, №. 25657/94, § 391, ЕСПЧ 2001-VII (выдержки)).

88. Судом уже установлено, что родственник заявителей должен считаться умершим, находясь в руках представителей Государства. В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражающей силы агентами Государства следует сделать вывод, что ответственность за его смерть должна быть возложена на Государство, и Суд делает вывод, что в отношении Адама Махарбиева имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

89. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, также требует, в порядке презумпции, чтобы было проведено эффективное официальное расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы. Судом выработан ряд принципов, которыми надлежит руководствоваться в ходе расследования, чтобы соответствовать требованиям Конвенции (см., краткое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, по. 69481/01, цит. выше. §§ 117-119).

90. В данном случае проводилось расследование похищения Адама Махарбиева. Суд должен оценить соответствие этого расследования требованиям Статьи 2 Конвенции.

91. Суд указывает, прежде всего, на то, что в его распоряжении было крайне мало информации о ходе расследования, так как Правительство не раскрыло большую часть документов.

92. Суд отмечает, что заявители официально информировали власти о похищении Адама Махарбиева по крайней мере 31 марта 2001 года. Следствие по делу №25042 было возбуждено 14 апреля 2001 года, то есть спустя двадцать один день после того, как Адам Махарбиев был задержан на блокпосте и спустя четырнадцать дней после того, как власти были уведомлены об этом происшествии. Такая отсрочка *сама по себе* способна была повлиять на расследование похищения при угрожающих жизни обстоятельствах, когда важнейшие меры должны быть предприняты в первые же дни после происшествия. Очевидно, что ряд следственных мероприятий были проведены с опозданием или не предприняты вообще. Например, следователи допросили ключевых свидетелей по делу г-на Л. М. и г-на И. М. через два с лишним года после начала расследования (см. пункты 60 и 61 выше). Следователи не предприняли никаких шагов для того, чтобы установить личности военнослужащих, которые дежурили на блокпосте в день похищения Адама Махарбиева, и не допросили никого из военнослужащих военной комендатуры или ВОВД, которые могли сообщить о судьбе исчезнувшего человека. Кроме того, никакие мероприятия не проводились для того, чтобы допросить военного коменданта района о местонахождении Адама Махарбиева или о его предполагаемом побеге из военной комендатуры (см. пункты 31, 40 и 52 выше), также никакая информация не запрашивалась в следственном изоляторе Чернокозово относительно предполагаемого содержания Адама Махарбиева в этом

изоляторе (см. пункты 33, 41 и 58 выше). По всей видимости, эти следственные меры могли дать значимые результаты, если были бы предприняты немедленно после того, как власти были уведомлены о преступлении и как только было возбуждено расследование. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но и является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. дело *Öneryıldız v. Turkey* [GC], по. 48939/99, § 94, ECHR 2004-XII).

93. Суд также отмечает, что, хотя первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу о похищении ее сына, нет сведений и о том, что заявители получали информацию обо всех следственных мероприятиях по делу. Таким образом, следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля над ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников

94. И, наконец, Суд отмечает, что расследование по делу приостанавливалось и возобновлялось несколько раз и что были длительные периоды бездействия, когда прокуратура не проводила никаких оперативно-розыскных мероприятий.

95. Правительство утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных органами предварительного следствия, в контексте исчерпания внутренних средств защиты. Суд считает, что, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными о ходе расследования, заявители не могли эффективно оспаривать действия или бездействие следственных органов перед судом. Кроме того, Суд подчеркивает в связи с этим, что приостановление или возобновление расследования само по себе не показывает, что следствие было неэффективным. В данном случае решения о приостановлении были вынесены без проведения необходимых следственных мероприятий, что и привело к многочисленным периодам бездействия и, таким образом, ненужному затягиванию процесса. Кроме того, из-за потери времени, прошедшего после инцидента, обжалование некоторых следственных действий, которые должны были осуществиться гораздо раньше, уже не имело никакого смысла. Поэтому весьма сомнительно, что указанное средство правовой защиты имело бы какие-нибудь шансы на успех. Следовательно, Суд находит, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах, и отклоняет его предварительное возражение в отношении неисчерпания заявителями внутригосударственных средств правовой защиты в контексте уголовного судопроизводства.

96. В свете вышесказанного Суд считает, что национальные власти не провели эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Адама Махарбиева в нарушение процессуальной части Статьи 2.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

97. Заявители жаловались по Статье 3 Конвенции, что в результате похищения и исчезновения их родственника и отказа властей провести добросовестное расследование этого происшествия они испытали душевные страдания и стресс. Заявители сослались на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Доводы сторон

98. Правительство не согласилось с этими заявлениями и указало, что следствием не установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или жестокому обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции.

99. Заявители настаивали на своих жалобах.

B. Оценка Суда

1 Приемлемость

100. Суд отмечает, что настоящая жалоба по Статье 3 не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

101. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи "исчезнувшего лица" жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственных связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. дело *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 года).

102. В настоящем деле Суд указывает на то, что первая и второй заявители приходятся родителями пропавшему лицу, третья заявительница –

его жена, четвертый и пятый заявители – его дети. В течение нескольких лет первая, второй и третья заявители обращались в различные инстанции как лично, так и с письменными заявлениями о помощи в розысках их родственника и с просьбами провести должное расследование преступления. Очевидно, что четвертый заявитель, которому было два года на момент похищения его отца, и пятый заявитель, который родился спустя короткое время после происшествия, не могли принимать участие в розысках Адама Махарбиева (см. для сравнения *Luluyev and Others*, цит. выше, § 112). При таких обстоятельствах, принимая во внимание тот факт, что им пришлось расти без отца, и это было причиной серьезных переживаний заявителей, Суд не может заключить, что их душевные страдания в отношении исчезновения Адама Махарбиева отличались от обычных эмоциональных переживаний в ситуации, подобной данному делу, и что они были столь серьезны, чтобы подпадать под действие Статьи 3 Конвенции (см. для сравнения, *Nenkayev and Others v. Russia*, №13737/03, § 168, 28 мая 2009, *Musikhanova and Others v. Russia*, №27243/03, § 81, 4 декабря 2008)

103. Что касается первого, второго и третьего заявителей, то они в течение девяти лет не получили никаких известий о пропавшем родственнике. В этот период они направляли многочисленные письменные запросы в разные органы власти и лично обращались в правоохранительные органы по поводу похищения. Не смотря на их усилия, они так и не получили от властей никакого приемлемого объяснения или информации о том, что случилось с Адамом Махарбиевым после похищения. В полученных ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание или просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

104. В свете вышеизложенного Суд считает, что первый, второй и третий заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их родственника Адама Махарбиева и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

105. Из этого Суд делает вывод, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении первого, второго и третьего заявителей и что нет нарушения в отношении четвертого и пятого заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

106. Заявители также утверждали, что Адам Махарбиев был задержан в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующих частях гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в

совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

107. По мнению Правительства, у следствия нет данных, которые подтверждали бы, что Адам Махарбиев был лишен свободы в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции. Его имя не значилось в списках лиц, содержащихся под стражей, и никакие правоохранительные органы не имеют информации о его похищении.

108. Заявители настаивали на своей жалобе.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

109. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, а потому должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

110. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что безвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. дело *Çiçek v. Turkey*, №25704/94, §164, 27 февраля 2001, и дело *Luluyev*, цит. выше, §122).

111. Судом установлено, что Адам Махарбиев был задержан представителями Государства 24 марта 2001 года и с тех пор пропал.

Задержание родственника заявителей не было санкционировано, не было зафиксировано в записях каких-либо изоляторов временного содержания, и, следовательно, невозможно официально проследить его дальнейшую судьбу. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см дело *Orhan*, цит. выше, § 371).

112. Суд далее считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше рассуждения и выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите родственника заявителей от риска исчезновения.

113. Исходя из этого, Суд считает, что Адам Махарбиев был подвергнут непризнаваемому задержанию без соблюдения каких бы то ни было гарантий по Статье 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

114. Заявители жаловались, что они были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Доводы сторон

115. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали их праву воспользоваться такими средствами. Заявители имели возможность обжаловать действия или бездействия следственных органов в суде. В целом Правительство утверждало, что не было нарушения Статьи 13.

116. Заявители повторили свои жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

117. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

118. Суд повторяет, что в подобных обстоятельствах если уголовное расследование по факту исчезновения было неэффективным, то это делает неэффективными все другие средства защиты, в том числе гражданско-правовые средства, предложенные Правительством. Следовательно, имеет место несоблюдение Государством обязательства по Статье 13 Конвенции (см. дело *Khashiyev and Akayeva*, №57942/00 и №57945/00, § 183).

119. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

120. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статей 3 и 5 Конвенции, Суд считает, что при данных обстоятельствах нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьями 3 и 5 Конвенции (см. дело *Kukayev v. Russia*, no. 29361/02, § 119, 15 ноября 2007, и дело *Aziyevu v. Russia*, no. 77626/01, § 118, 20 марта 2008).

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

121. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Компенсация материального ущерба

122. Заявители требовали возмещения материального ущерба в отношении потери заработков Адама Махарбиева после ареста и последующего исчезновения. Первая заявительница, как мать Адама Махарбиева, потребовала 182, 504 российских рублей (RUR) (4,390 евро (EUR)); второй заявитель, как его отец, потребовал 168,405 рублей (4,050 евро); третья заявительница, как его жена, потребовала 398,108 рублей (5,570 евро); четвертый заявитель, как его сын, потребовал 85,244 рублей (2,050 евро) и пятая заявительница, как его дочь, потребовала 100,952 рублей (2,430 евро). Общая сумма требуемой компенсации материального ущерба составила 18,490 евро.

123. Заявители утверждали, что Адам Махарбиев был безработным на момент его ареста, и что в данном случае расчет утраченного дохода должен

быть сделан на основе прожиточного минимума, устанавливаемого национальным законодательством. Они рассчитали его доход в рассматриваемый период, учитывая уровень инфляции 13,44%. Расчеты заявителей были выполнены в соответствии с таблицами расчета страховых компенсаций при получении телесных повреждений и при несчастных случаях со смертельным исходом, изданных Правительственным Отделом Страховых Расчетов Великобритании в 2007 (“Огденские таблицы”).

124. Правительство нашло эти требования завышенными и необоснованными. Оно также указало на существование национального механизма получения пенсии в связи с потерей кормильца.

125. Суд повторяет, что должна быть ясная причинно-следственная связь между ущербом, понесенным заявителями и нарушением Конвенции, которая может, в соответствующем случае, быть основанием для присуждения справедливой материальной компенсации, в том числе и за потерю заработка. Суд также находит, что потеря заработка может также быть отнесена на счет несовершеннолетних детей, и что разумно предположить, что Адам Махарбиев нашел бы возможность получать какую-то заработную плату, на которую заявители могли бы претендовать (см. среди прочего *Imakayeva*, цит. выше, § 213). На основании вышеописанных заключений, Суд считает, что имеется прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении родственника заявителей и потерей ими финансовой помощи, которую он мог бы им предоставить. Учитывая то, что Адам Махарбиев был безработным и другие доводы заявителей, Суд присуждает первому и второму заявителям совместно 7,000 евро, третьему, четвертому и пятому заявителям совместно 10,000 евро в качестве компенсации материального вреда плюс любой налог, который может подлежать уплате с этой суммы.

В. Компенсация морального ущерба

126. Заявители в части морального вреда потребовали совместно компенсацию в размере 1,500,000 евро за страдания, которым они подверглись в результате потери членов их семьи и по причине равнодушия, проявленного властями по отношению к ним, и отказа властей предоставить какую-либо информацию о судьбе их близкого родственника.

127. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

128. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнаваемым задержанием и исчезновением родственника заявителей. Первая, второй и третий заявители были признаны жертвами нарушений по Статье 3 Конвенции. Суд признает, что заявителям был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает заявителям совместно 60,000 евро в качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Требование заявителей относительно расследования

129. Заявители также требовали, ссылаясь на Статью 41 Конвенции, провести по факту исчезновения их родственника эффективное расследование, соответствующее положениям Конвенции. Они указали в связи с этим на дело *Assanidze v. Georgia* ([GC], no. 71503/01, §§ 202-203, ECHR 2004-II).

130. Суд отмечает, ссылаясь на дело *Kukayev*, no. 29361/02, §§ 131-34, 15 ноября 2007, что в аналогичных обстоятельствах, он решил, что будет наиболее целесообразным оставить за Государством-ответчиком право выбирать средства, которые будут использованы в рамках национальной правовой системы для исполнения его юридических обязательств по Статье 46 Конвенции. Суд не видит каких-либо исключительных обстоятельств, которые позволили бы ему сделать иное заключение по настоящему делу.

Д. Издержки и расходы

131. Заявителей в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Москве и Ингушетии, по 50 евро в час за подготовку юридических документов в местные органы власти и по 150 евро в час за подготовку документации в Европейский Суд. Общая сумма расходов, связанных с представлением юридических интересов заявителей, составила 5,607 евро.

132. Правительство не оспорило обоснованность и законность заявленных требований в связи с компенсацией расходов и издержек.

133. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, цит. выше, §220).

134. Принимая во внимание представленные сведения и соглашения об оказании юридических услуг, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

135. Что касается вопроса о том, действительно ли эти расходы и издержки были необходимы. Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что по данной жалобе применялась Статья 29 § 3, и представители заявителей подавали свои замечания по вопросам приемлемости и существа дела как один пакет документов. И Суд считает, что на подготовку юридических документов было необходимо не так много времени, как утверждают представители.

136. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 4,500 евро за ведение дела плюс налоги и сборы, если они начисляется на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный

заявителями.

С. Выплата процентов

137. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* объединить возражения Правительства относительно исчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;

2. *Объявляет* жалобу на нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции приемлемыми;

3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Адама Махарбиева;

4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части не проведения эффективного расследования обстоятельств, при которых исчез Адам Махарбиев;

5. *Постановляет*, что имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении моральных страданий первого, второго и третьего заявителей;

6. *Постановляет*, что не имеет место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении моральных страданий четвертого и пятого заявителей;

7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Адама Махарбиева;

8. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;

9. *Постановляет*, что нет оснований поднимать вопрос по Статье 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений по Статье 3 и 5 Конвенции;

10. *Постановляет*

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты, за исключением оплаты издержек и расходов представителей:

i. 7,000 евро (семь тысяч евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации материального ущерба первому и второму заявителям;

ii. 10,000 евро (десять тысяч евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации материального ущерба третьему, четвертому и пятому заявителям;

iii. 60,000 евро (шестьдесят тысяч евро) заявителям совместно в

качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты;

iv. 4,500 евро (четыре тысячи пятьсот евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

11. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 21 июня 2011 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции
Нина Вайич, Председатель